

СТЕПАН ЗОРЬЯН

Дедушка и внучка

Дед Епрем очень стар.

Давно уже не видят света его глаза, слышит он очень плохо, и голова постоянно трясется, как спелый подсолнечник. Его холодные, сухие руки вечно дрожат, и, когда он ест, похлебка течет по его белой и уже начинающей зеленеть бороде.

Кроме того, деду Епрему трудно подолгу ходить, далеко он теперь не отлучается и только в солнечные дни, когда его тянет пройти по садику, подзывает свою внучку Астхик и вместе с ней, опираясь на палку, медленно прогуливается в тени деревьев. Много зубов повыпало у деда Епрема — вот почему он не может есть ни мяса, ни черствого хлеба.

Стар, очень стар дед Епрем. Дома его не особенно любят и не всегда балуют вкусной едой; он же любит всех и больше всех — маленькую Астхик; ей он рассказывает сказки, басни, ей рассказывает он про других мальчиков и девочек, про то, как падают с неба звезды... Иногда дед дарит внучке копейку на конфеты...

Астхик любит дедушку. И часто, взяв деда за руку, она водит его по саду и рассказывает ему, какое дерево сколько родит плодов, сколько ягод дает куст шиповника. При этом Астхик всей душой жалеет, что деду ничего этого не увидеть; и оттого, что он ничего не видит, Астхик жалеет и любит его еще больше.

Одно только не нравится Астхик: дед часто хворает.

Вот уже четвертая неделя, как деду нездоровится. Когда он начинает кашлять, Астхик кажется, что у него в груди сухие листья шуршат, а сонный он так храпит, словно его душат. Который уж день дед собирается пройти по саду и погреться на солнышке, но бабушка ему не позволяет, — говорит, что он может простудиться. И Астхик удивляется бабушке, почему она так жестоко отказывает деду.

«Ну что в этом такого, — думает Астхик, — что за беда, если дедушка выйдет погулять и опять вернется!»

Но бабушка и мама упорно не позволяют. И чем строже их запрет, тем больше деда тянет на солнышко...

И вот однажды дед неожиданно поднялся с постели. Астхик этот день очень памятен. Было как раз воскресенье; бабушка и мама отправились в церковь, а отец в город. Сама же Астхик, вернувшись домой, увидела, как дед беспомощно шарит по постели, словно ищет что-то.

— Что тебе, дедушка?

— Помоги одеться.

Астхик подала ему капу, чуху и шапку. Дед, весь дрожа, оделся, взял палку, вышел на балкон и уселся на солнышке.

Странное было в тот день у него лицо. Астхик вглядывалась и не могла понять, почему дед так задумчив и словно все прислушивается к чему-то.

И впрямь — дед как будто насторожился, напрягая слух: приподняв голову и закрыв глаза, он словно силился расслышать, что творится на селе и за селом...

Уже немало времени прошло, как не был он на воздухе, и теперь, глубоко дыша, дед чутко слушал долетавшие до него весенние звуки... Многолетняя слепота обострила его слух — ясно слышал он жужжанье пчел, веселый трепет тополей, звонкие голоса резвой детворы с соседних дворов. Доносился до него и праздничный звон церковных колоколов, как будто порхавший и паривший под небесами.

Звон этот будил в памяти деда Епрема былые полузабытые дни: он видел себя ребенком; отец ведет его в церковь к пасхальной заутрене, а колокола звонят мерно, протяжно... Потом видит он себя молодым и рослым, обруку с такой же молодой девушкой, — они идут к венцу под ликующий звон всех тех же колоколов... Наконец, он видит себя уже пожилым — в поле, с косой в руках... Коса звенит, испуганные перепелки выпархивают из густой травы, трава ложится ровными рядами, а колокола гудят, как сегодня...

Вспомнив все это, дед Епрем вдруг почуял свежий запах скошенного сена и, раскрыв беззубый рот, жадно вдохнул всей грудью.

Астхик, неотступно следившую за больным дедом, поразило выражение его вдруг просветлевшего лица.

Снова дед глубоко вдохнул.

— Астхик!

— Что, дедушка?

— Сведи меня в сад.

— А если ты простудишься, дедушка? — молвила девочка, растерянно глядя в незрячие глаза старика.

— Не простужусь, детка, пойдем...

Дед и внучка вместе вышли в сад. Старик, держась за руку внучки, осторожно ступал за нею и спрашивал: как деревья, все ли они расцвели, не опали ли лепестки?

— Опали, дедушка, опали, — говорила Астхик.

— А плоды показались на деревьях?

— Да, дедушка, и много...

— Это хорошо, это хорошо...

Беседуя, они прошли через садик до самой калитки, что выходила на улицу.

Тут дед приостановился, чтобы перевести дух.

— Пора домой, дедушка, простудишься, бабушка будет сердиться...

— Не бойся, детка, не простужусь, — успокоил дед внучку, продолжая тяжело дышать.

Постояв немного, дед спросил:

— Скажи, Астхик, что поле — далеко отсюда?

— Нет, дедушка, близко.

— А коли близко, детка, сведи меня туда. Ты там нарвешь себе цветочков...

Астхик обрадовалась.

— Да, дедушка, цветов в поле много, так много...

И вот крестьяне с удивлением увидели из своих дворов больного деда Епрема; держась за руку внучки, шагал он в поле. Старик и девочка шли, совсем забыв, что дома у них не осталось никого, что двери гостеприимно раскрыты для кур и нищих.

Вот уже они и в поле, медленно бредут по траве. Дед, сгорбившись и тяжело дыша, трудно ступает трясущимися ногами, но, кажется, он и не чувствует усталости. Астхик же, ведя дедушку за руку, то и дело говорит: «Дед, сюда», «Дед, тут камень». «Дед, перепрыгни»... И старый дед покорно исполняет все указания внучки: перепрыгивает через лужи, идет туда, куда тащит его девочка.

Пройдя довольно долго, дед остановился, перевел дух и спросил у Астхик:

— Где мы теперь?

— На хорошем месте, дедушка. Сколько здесь цветов!

Дед опять перевел дыхание и спросил:

— А что, детка, лес недалеко?

— Дедушка, вот он. Да разве тебе видно?

Дед, не отвечая, поднял слепые глаза и прислушался. Ему хотелось вслушаться в говор леса. И вот отчетливо донесся до него шум вековой дубравы, похожий на плеск реки. Лес шумел так, словно деревья поют хором.

«Как хорошо шумит лес!» — подумал дед.

Это был все тот же шум, что слышался ему давным-давно. Так шумел лес, когда дед был молодым; так он шумел, когда дед начинал стареть. Это все тот же самый шум — прежний, неизменный... Таким он был и останется навеки...

И дед Епрем, горестно вздыхая, опустился на траву, а Астхик принялась собирать цветы и гоняться за мотыльками.

Сидя в траве, дед Епрем продолжал внимать лесному шуму.

Теперь вместе с этим шумом доносилось до него и журчанье ручья. Дед хорошо знал этот ручей — сколько раз в пору жатвы он обедал на его берегу! Деду Епрему слышится и птичий щебет — это заливаются жаворонки, — и

шелест травы, и шорох кустов, а вдалеке все так же раздается звон церковных колоколов...

Как приветливо шумит лес!

Вспомнилось деду Епрему былое, и губы его задрожали от волнения; ему захотелось молиться, но не мог он вспомнить святых слов. Дед вдруг согнулся и припал лицом к земле...

Долго покрывал он поцелуями родимую землю, и неудержимые слезы потоками бежали из его помертвевших глаз. Еще, еще... И старик, обессиленный, упал ничком на пышную траву...

Когда Астхик вернулась к деду с ворохом цветов, ее удивило, что дедушка лежит неподвижно.

«Неужели дедушка уснул?»

И она окликнула старика. Но дед молчал.

Тогда Астхик подошла и коснулась его руки.

— Дедушка, а дедушка, — твердила внучка и тормошила деда. — Вставай, пойдем! Ну, дедушка, вставай же, бабушка сердиться будет...

Но старик не просыпался. А Астхик продолжала тормошить его, умоляя проснуться. Дед не шевелился.

Наконец Астхик решила сбегать домой и сказать, что дедушка уснул в поле и не просыпается.

Но дед не спал...

Пришли и нашли деда мертвым.

Когда Астхик узнала об этом, она не поверила, что дед может умереть; не верилось ей также, что деда вынесут из дома и он сюда больше не вернется.

«А кто же будет спать на его постели, — думала она, — кто наденет его чуху?»

И когда на следующий день священники отнесли деда в церковь, Астхик долго ждала, что он вернется. Но вот и вечер наступил, а деда все не было.

Заперли ворота и двери на ночь; Астхик загрустила и тихонько заплакала под одеяльцем.

Заливаясь слезами, она сетовала, зачем заперли ворота и двери: вдруг дедушка захочет воротиться, может быть, и сейчас он уже вернулся и стоит у ворот...

Плакала она и думала: кто же там, куда он ушел, будет водить дедушку на прогулку? — ведь он ничего не видит и может наткнуться на камень или оступиться в лужу...

Ах, найдется ли хоть добрый мальчик или добрая девочка, кто бы водил там бедного деда!

1916

Составил и перевел А.С. Хачатрянц.